

УДК 72.03(476+477+470+571)"15/19"

НАЗЕМНЫЕ ХОЛОДНЫЕ ПОСТРОЙКИ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ДОМАШНЕГО ИМУЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ И СОСЕДНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.*

канд. ист. наук, доц. С.А. МИЛЮЧЕНКОВ

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск

Рассмотрены наземные холодные постройки усадебного типа, предназначенные для хранения, предметов быта, одежды, хозяйства, зерна, муки, продуктов животноводства. Выявлены их виды, архитектурные особенности, наименования в письменных источниках XVI–XVIII вв. и современных народных говорах.

В системе материального жизнеобеспечения в природно-климатических и социально-экономических условиях лесной полосы Восточной Европы важную роль играли постройки для хранения продуктов питания и домашнего имущества. Согласно функциональной специфике они делятся на три группы строений – наземные холодные, наземные отапливаемые (теплые) и подземные.

Наземные холодные постройки предназначались для хранения зерна, муки, продуктов животноводства, предметов быта, одежды, хозяйства. Одним из терминов, которым они обозначаются в письменных источниках XVI–XVIII вв., является наименование *клѣтъ* (*клѣтъ*). Оно встречается в этот период почти на всей территории Беларуси и в соседнем зарубежье, в том числе на западе Литвы (Жемайтия). В номинациях часто отражаются те или иные типичные архитектурные черты строения – *клѣтъ на подклѣтъ*, *клѣтъ на столпохъ* (*na stupach*), *на подрубѣ*, *клѣтъ ниска, малая*, *klęcy przy ziemi* [2, с. 259, 356, 371, 411; 10, с. 263; 12, с. 595; 45, р. 12, 71].

В хозяйственной среде каждого феодального поместья размещались зачастую несколько подобных сооружений, отличавшихся одно от другого по своей потребительской специфике. Поэтому в инвентарях владений привилегированного сословия их названия нередко дифференцируются путем добавления к основной именной форме соответствующего дополнения или определения. Такие выражения указывают на особенности функционального назначения построек – *клѣтки на паашню* (для семенного зерна), *клѣтка невеликая для сховања мукѣ* (для хранения муки), *клѣтъ для зсыповања збожѣ* (для засыпания зерна), *klęcy na zboże*, *клѣтъ для речы стравныхъ* (для продуктов питания), *клѣточка малая, въ которой ховають речы стаенные* (для хранения конюшенин вещей), *клѣтка для свиней, для мекинь, клѣточ'ки для плев* [1, с. 418; 2, с. 356, 361, 508, 511; 45, р. 35].

Исследование письменных источников показывает, что термин *клѣтъ* (*клѣтка*) употреблялся параллельно в нескольких значениях и мог служить названием как хозяйственных сооружений, так и жилища прислуги (*клѣтка для челяди*) в помещичьем дворе. Фактически он относился ко всякой однокамерной постройке срубной конструкции независимо от ее функционального использования. Его изначально универсальный характер объясняется заимствованием из строительной терминологии деревянного зодчества с целью хозяйственной фиксации и идентификации строений. В архитектурном смысле номинация *клѣтъ* подразумевала любую объемную конструкцию, возводившуюся из четырехугольных венков бревен. Это содержание прослеживается у нее в северорусских диалектах, в которых, кроме всего прочего, *клѣтъ* означает прямоугольный бревенчатый сруб [31, с. 288].

На первичность архитектурной составляющей в содержании названия *клѣтъ* указывают производные от этого термина названия *подклѣтъ* и *подклѣтъ*. В буквальном смысле они имеют техническое понятие, т.е. объемная конструкция, которая находится ниже клетки. В старобелорусской письменности данные номинации употреблялись, прежде всего, в значении первого яруса постройки – *изба на подклѣтъ*, *сѣни на подклѣтъ* и т.д. Между тем в этих выражениях отсутствовала, казалось бы, обязательная на первый взгляд формальная лексико-семантическая корреляция при обозначении двуединных частей жилых и хозяйственных строений: клеть – подклеть, изба – подыбица, сени – подсени. Это свидетельствует о том, что термин *подклѣтъ* (*подклѣтъ*) не утратил своего изначального архитектурного смысла и сохранял его независимо от названий верхнего яруса рубленых сооружений, строительная конструкция которых соотносилась с понятием *клѣтъ*. В постройках на дворе феодалов *подклѣты* использовались в качестве хранилища. В них обычно размещали бочки с зерном ржи, пшеницы, ячменя, гречи, овса, мукой, горохом, конопляным семенем, солодом, свеклой, репой, квашеной капустой и другими продуктами.

* Исследование выполнено при поддержке БРФФИ, проект № Г15Р-003.

В деловой письменности, главным образом, на северо-западе исследуемой территории в зоне современного белорусско-литовского пограничья в аналогичном или очень близком значении с наименованием *клять* употреблялся термин *свирень*. Семантическая модель образования составных названий, в которых он является базовым, такая же как и у термина *клять*. Это хорошо иллюстрируют выражения – *сви́рны два на засыпанье пашни* (для семенного зерна), *свирень спижарный зь меснымі речымі* (кладовая с мясными продуктами), *свирень скарбный* (для сокровищ), *swironek dla chowania młocznego* и др. [2, с. 356, 361, 436; 6, с. 240]. В описаниях имений XVII–XVIII вв. вместо словосочетания *свирень скарбный* используется упрощенные новые формы *skarbiec*, *skarbnica* (сокровищница) [11, с. 118, 45, р. 46, 235, 382]. Наземные складские постройки фиксировали также с учетом размеров и архитектурных признаков – *сви́ронекъ*, *сви́ронекъ малый*, *свирень великий*, *свирень на столбахъ (на столбю)*, *свирень на подклять*, *свирень великий съ кганкомъ* (с крыльцом), *свирень у котормъ двое схованье* (два хранилища), *swirenki s przykletami* и др. [2, с. 21, 157, 186, 200, 436, 494, 508, 608; 4, с. 185, 186; 5, с. 135; 45, р. 285] (рис. 1, 2).

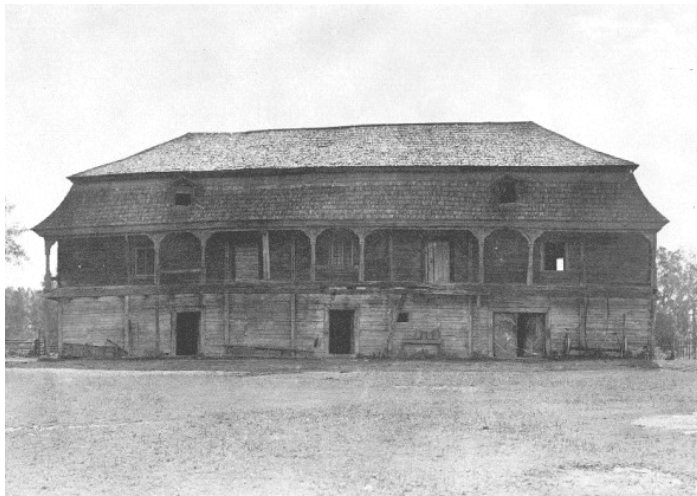

Рис. 1. Помещичий амбар («свирень великий»), кон. XVIII в., д. Мурованая Ошмянка Ошмянского повета. Фото Я. Булгака, 1929 г.

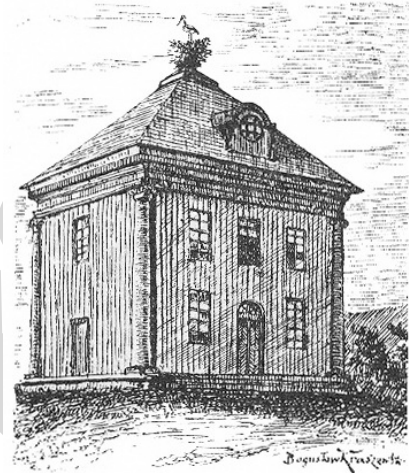

Рис. 2. Скарбец. кон. XIX в., имение Юндилы Слонимского повета

Среди них встречались одно и двухэтажные строения, обозначавшиеся термином *повалушъ*, *пова-луша*, *powalusz* [1, с. 417, 484, 485; 2, с. 258, 599; 45, р. 129, 235, 253, 320, 336, 365, 394, 411, 426]. Так, в заявлении 1585 г. о захвате имущества в Понемонском дворе Упитского повета в составе строений, где оно хранилось, указаны: *повалуши два, в одномъ повалушу были две скрини з пенезьми <...>; в томъ же повалушу была шапъка окъсамитна, кунами пошита <...>, кожныхъ бараний <...>, соянь утерфину чорного <...>; котълы меденные два; в жытнику жыта чыстого бочокъ двадцать, ечьменя бочокъ десеть, гречыхи бочокъ петнадцать, пшеницы бочокъ десеть, овса бочокъ дванадцать* [7, с. 164, 165].

Наименованием *повалушъ* в этом описании первоначально обозначается архитектурный тип обеих построек, одна из которых затем идентифицируется по функциональному признаку термином *жытникъ*. По своему утилитарному назначению они тождественны строениям, сопровождавшимся номинациями *свирень* и *клять*. Не случайно, в 1665 г. в реестре имения Гелгудишки Велонского повета записано: *swiren powalusz s podkletem gdzie zboze chowaiq* [45, р. 235]. Аналогичным образом в 1786 г. в инвентаре имения Мильча Ошмянского повета названия *swiren* и *powalusz* употребляются вместе при описании двухэтажного складского строения: *swiren, powalusz, na spodzie troje schowanie, <...> w iednym kubtow do sypania maki cztery, w drugim kubtow dziesięć, w trzecim zasiek na zboże, na wierzchu tego powalusza schowanie troje* [8, с. 326].

Несмотря на синонимичность, обусловленную функциональной однотипностью складских сооружений, употребление названий *свирень*, *повалуша* и *клять* имело тем не менее свою специфику. На это указывают многочисленные факты синхронного применения обоих наименований в документальной описи хозяйственного комплекса одного и того же феодального поместья. Так, номинации *свирень* (*сви-ронекъ*) и *повалуша* всегда связаны с отдельно стоящей на дворе кладовой, а *клять* (*клятка*), кроме того, с помещением в составе других построек. Уменьшительное *клятка* имеет заметно более высокую частотность употребления, чем *сви́ронекъ*, и в отличие от него используется также в значении жилища и строения для содержания мелкого домашнего скота. При этом закономерность выбора базового термина для самостоятельных архитектурных форм отчасти проявляется только в сложных названиях. Так, можно отметить, что определения *великий* и *скарбный* сопровождают только наименование *свирень*. Причем

крупногабаритные сооружения имеют устойчивую связь с выражением *свирень великий*. Пояснения *ниская* и *при земли* чаще сочетаются с *кльть*.

В документах позднефеодального периода, относящихся к восточной части Беларуси, иногда в аналогичном значении употребляется название амбар – *имбарь, инбарь, омбарь, онбарь*. Одно из первых упоминаний – *ымьбарь, онбарь*, датирующееся 1577 г., содержится в книгах Могилевского магистрата [12, с. 170, 285; 24, с. 67, 187]. В этих источниках данные номинации географически связаны с западнорусскими названиями, т.к. указывают на складское помещение для хранения товаров в г. Смоленске. Во второй половине XVII в. (1681 и 1689 гг.) они и их производные уже встречаются в качестве обозначения построек жителей г. Могилева [22, с. 154; 23, с. 86, 141]. В XVIII в. термин *imbar*, относившийся к сооружению для хранения зерна, употребляется в инвентарях имений на востоке исследуемой территории [9, с. 249, 515]. Исторические источники между тем не дают представления об использовании его для обозначения деревенских построек.

Следует отметить, что в описаниях дворов русских земель лексема *амбар* встречается в единичных случаях в XVI в. и чаще в следующем столетии [19, с. 185–189]. В купчих на недвижимость бояр и посадских людей второй половины XVI–XVII в. на территории России холодная наземная постройка для хранения домашнего имущества обыкновенно обозначается терминами *кльть, клеть на подклеть, клетка, клетка наземная*, а также нередко используются наименования *повалуша, повалуша на подклеть* [13, с. 386–398, 401, 403, 407].

Названия *кльть, свирень, повалушь, имбарь* принадлежали одинаковым или близким по своему функциональному назначению и родственным по архитектурной концепции постройкам нескольких видов – высокой на подклети, средней высоты на столбах и низкой (приземной) на подрубке. У этих строений было сводчатое верхнее перекрытие из бревен для укладки двухскатной кровли из дранки и гонта. Оно обозначалось термином «повал», от которого образовалось наименование *повалушь, повалуша*.

В перечень названий, обозначающих холодную кладовую, входили также термины *комора* и *коморка*. В славянских языках они относятся к старинному заимствованию от греческого слова *καμαρα* или латинского *camera (camara)* – свод, сводчатая крыша. Эти наименования употреблялись в реестрах феодальных владений преимущественно юго-западных районов ВКЛ. В отличие от других обозначений номинации *комора* и *коморка* указывают на подсобное помещение, как правило, в составе жилища или хозяйственного сооружения и обычно сопровождаются пояснениями – *комора для схованья, коморка малая для хованья речей кухенных, коморка для жорновъ, коморька замчистая, котор dwie dla chowania zboża, истобька съ коморкою, изба съ сеньми, съ коморою* [2, с. 202, 228, 230, 267, 298, 568, 576; 3, с. 418]. В редких случаях некоторые выражения, например, *комора млечна зъ сѣнею*, относятся к отдельно стоящей постройке в хозяйственной зоне феодального двора.

Номинация *комора* имела разнообразную семантику. Так, без пояснения специфического значения она являлась названием обогреваемого помещения с окнами для дневного отдыха и ночлега в жилище привилегированного сословия. В крестьянской хате *комора (коморка)* – это отгороженная в сенях или прирубленная к ним холодная темная кладовая, в которой хранили домашнее добро, продукты питания, сундук с приданым, а летом отдыхали.

В XVI–XVIII вв. холодные строения для хранения зерна и продуктов животного происхождения, предметов домашнего быта иногда обозначались также другими названиями. Так, в текстах на старобелорусском, но чаще польском языке использовались наименования *шпихлерь (spichlerz), шпихлерикъ, спижарня (spizarnia), спижаренка, latus (лямус)* [2, с. 259, 267, 361, 390, 567; 11, с. 5, 34, 345] (рис. 3, 4). Некоторые из них употреблялись синонимично – *свиронекъ, или шпихлерикъ*. В единичных случаях постройка с сусеками для хранения зерна сопровождается термином *жытникъ (żytnik)* [2, с. 259, 600]. В XVI в. близкие к нему наименования часто использовались в русских писцовых книгах. Так, *житница* и *житенка* неоднократно встречаются в описях крестьянских дворов на территории Тверской земли [19, 189].

Культурные термины периода позднего феодализма, относившиеся к складским постройкам восточных славян и их западных соседей, имели отчетливо выраженный зональный характер распространения. Так, преимущественно в западном ареале современной Беларуси и в восточной Литве употреблялось название *свирен*. Параллельно здесь, а также на территории Украины встречались широко распространенные в Польше обозначения *шпихлер* и *спижарня*. Общей в этой зоне являлась номинация *комора*.

Большинство исторически зафиксированных названий холодных построек и помещений для хранения продуктов питания и домашнего имущества, за исключением наименований *повалушь, жытникъ* и *latus*, имеются в диалектной форме белорусской терминологии. Широко распространенными являются номинации *клець, свіран (свіронак), амбар* и *камора (каморка)*. Кроме того, термины *клець* и *клетка (клетачка)* иногда применяются в значении маленькой постройки или отгороженного места для содержания мелкого домашнего скота внутри общего хлева [20, с. 780; 25, с. 215]. Значительно менее распространенными являются встречающиеся на западе Минской и в Гродненской области *спіжарня* и

Этнакультурная спецыфіка Беларускага Падзвіння ў дыяхронным і сінхронным вымярэннях в беларуско-польском пограничье на юге Брестчины *шпихер* (*шпихерык*), производное от *spichlerz* [21, к. № 239; 25, с. 244; 34, с. 537].

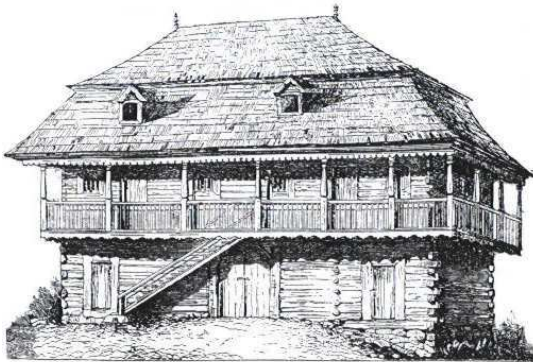

Рис. 3. Помещичий шпихлер, XVII–XVIII (?) вв.
Z. Gloger, *Encyklopedia staropolska ilustrowana*, t. IV,
Warszawa 1972, s. 345

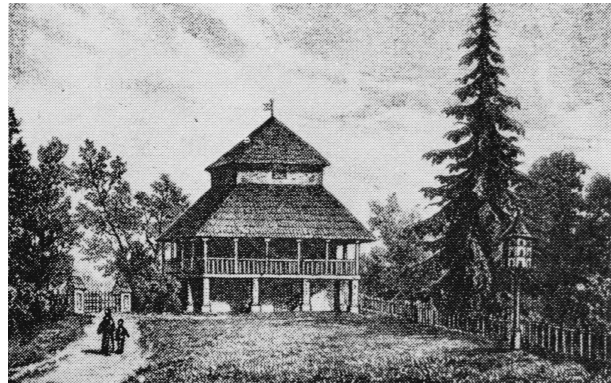

Рис. 4. Помещичий дямус, кон. XIX в.,
имение Сопочкин Гродненской губ.

В Беларуси основные диалектные номинации холодных строений для хранения зерна, муки и ценных предметов непосредственно связаны с культурой славян и отчасти балтов. Они относятся к отдельно стоящему или с входом со двора строению (*клець*, *свіран*, *свіронак*, *амбар*) и помещению, имеющему функциональную связь с жилищем через дверной проем в сенях (*камора*, *каморка*, *клець*). Все эти культурные термины известны также в соседнем зарубежье. В ареалах своего распространения они имеют определенную этнотерриториальную расчлененность.

Наиболее обширное пространство занимает номинация *клець*. В белорусских народных говорах она является в целом однозначным по своему содержанию термином: *У клеці ссыпалі пашню, там стаялі дзежкі з мукой, былі засекі; Будаваўліся клеці на слупах з паўметра вышыні, клалі падлогу. У клеці ставілі кваскі, у іх насыпалі зярно, хавалі ўсе збожж'я* [33, с. 474, 475]. В русских диалектах наименование *клець* (*клетушка*) имеет более широкую семантику и может относиться к кладовой для домашнего скарба, деревянному жилищу, сруб, комнате, сараю для сена, хлеву. В значении отдельной постройки для хранения зерна оно распространено в народных говорах Северо-Западной и Центральной России: *Амбар или клеть, все одно, У нас в клетях то хлеба много было. Возьми в клетях овса; Есть у мужика сарай (сарайюшка) и житница или клеть, иногда амбарюшка; У нас какие там закорма! Амбары или какие-нибудь клетушки. Маленькая амбарюшка. Я ее называю клетушкой* [29, с. 254, 255; 31, с. 287–289].

Диалектный ареал термина *клець* охватывает значительную часть восточнославянских земель. В Беларуси он почти полностью покрывает всю территорию, за исключением небольшой зоны на западе средней полосы в Гродненском Поместье [21, к. № 239]. В границах этой зоны, которые доходят на севере до левого берега Вилии, востоке и юге до верховьев рек Свислочи, Немана, Лани и Ясельды, распространен термин балтского происхождения *свіран* (*свіронак*). Синхронно с номинацией *клець* он встречается на значительной части Беларуси, за исключением восточного региона – Поднепровье (Могилевщина) вместе с соседними районами Подвинья (Витебщина).

При этом в некоторых сельских населенных пунктах в народной памяти сохранились представления об особенностях динамики распространения обоих названий: *Клець называлі раньшэ, а патам свіран; Быў свірань, паслей свірням называлі, а клеці былі перваначальна* [33, с. 474, 475; 35, с. 395]. Смысл терминов *клець* и *свіран*, когда они относились к отдельно стоящей постройке на крестьянском дворе, был полностью адекватным: *У свірня былі гаруды – збожжа ссыпалі; Свіран – дзе хлеб храніўся; Свіран – кладоўка, дзе збожжа складалі; Добрэ, ек свірэнь е: у ём добрэ дзержаць і пашню, і муку, і сало* [35, с. 395; 38, с. 21]. Вместе с тем на юго-западе Беларуси эти номинации использовались также параллельно для культурной идентификации двух разных по своей архитектурной форме строений: *А свіронак мало е, свіронак стоіт отдельно, а клець в сенях* [35, с. 396].

На востоке Беларуси сформировалась самая обширная и компактная зона миксации названия *клець* с обозначением тюркского происхождения *амбар* (*анбар*, *інбар*). В его ареал входит практически вся европейская часть России [18, к. 21]. В культурной терминологии к западу от нее термин *амбар* встречается спорадически. В белорусских народных говорах он имеет похожую с наименованием *свіран*, но более позднюю в культурном понятии сельских жителей временную динамику: *Клець гаварылі даўней, амбар – цяпер; Амбар ужываюць маладзейшыя; Клець – звалі даўно, свіран – нядаўна, анбар – цяпер* [20, с. 802, 803]. В западных, северо-западных и северных областях России также существуют зоны

смешанного употребления в одном и том же значении терминов *амбар* и *клеть*: *Клеть, амбар, житница – только названия разные, а устройство им одно* [31, с. 287–289].

В белорусских народных говорах, так же как и в деловой письменности XVI–XVIII вв., названия *амбар* и *свіран* употребляются для обозначения отдельно стоящей от жилища постройки: *Свірэнь надвое перэгороджаны буў на дворэ* [38, с. 21]. При этом в ряде населенных пунктов они относятся исключительно к крупногабаритным строениям, не входящим в состав крестьянского двора: *У памешчыкаў былі свірны, амбар тое ш, што свіран, ужываеца рэдка; Амбар, свіран – гэта калгасныя будынкi для дабра; Амбар – куды ссытаюць калгаснае збожжа; клеть – невялікі будынак у калгаснікаў; Клець – у сялян; амбар – у калгасе* (рис. 5, 6, 7, 8) В русских и украинских (черниговских) народных говорах именная форма *анбар* (*амбар*) также нередко связана с культурной идентификацией большого складского помещения для зерна, разного рода имущества и товаров [29, с. 254, 255; 26, с. 26].

Рис. 5. Помещичий амбар («свіран»), нач. XX в., имение Голоблевщина Ошмянского повета. Фото А. Вечёрека, 30-е гг. XX в.

Рис. 6. Помещичьи амбары («свірны»), кон. XIX в., местечко Данюшево Вилейского повета. Фото 20–30-х годов XX в.

Рис. 7. Крестьянская клеть, 1-я пол. XX в., д. Речица Столинского р-на. Фото М.Я. Гринблата, 1953 г.

Рис. 8. Крестьянская клеть («свіронак»), 1-я пол. XX в., д. Кемелишки Островецкого р-на. Фото Л.И. Минько, 1980 г.

Ареал массового распространения прирубленного к хате или отгороженного в сенях холодного помещения для хранения продуктов животного происхождения и домашнего добра охватывает у восточных славян главным образом территорию южной и средней полосы Беларуси, северную часть Украины, сопредельные и центральные районы России. В его южных районах одним из наиболее распространенных обозначений этой части крестьянского жилища является номинация *камора*: *Даўней каморы былі, а цяпер кладоўка. Тэпер збожжэ в коморы стоіт; Камора – такое халоднае месца, у якім можна паставіць*

сундук, малако; Спалі і зімою ў коморы; Сяні не атапляюцца, у каморы мяса дэжрацаць, спяць некаторыя, як гарача ў хаце [33, с. 391; 37, с. 212].

Наряду с названием *камора* (*каморка*) к данному подсобному помещению относится именная форма *клець*. Культурная идентификация помещения в составе жилища, где хранят зерно, другие продукты питания и домашние вещи, с использованием терминов *клець*, *клеть*, *кліть* встречается в южных районах эпизодически [18, к. 21; 26, с. 97]. В народных говорах белорусского Полесья эти термины имеют часто одинаковое значение с наименованием *камора* по всему спектру семантики: *Клець, як склад. Колісь жэніліся, то туды спаць водзілі; Холоднэ построенейко зроблена на лето, туды, у ту клець, спаць ішлі* [37, с. 196]. В аналогичном значении наименование *клеть* распространено у русских в северной части ареала прирубленного к хате или отгороженного в сенях холодного помещения для хранения продуктов питания и домашнего добра: *Клеть в сенях стояла, там клали хлеб, масло, продукты все; Клеть при доме, в клетки сусеки и лари; Клеть у нас – холодное помещение. А ежели она прирублена к избе, тогда она называется клеть, Отдохнуть вышла в клеть* [31, с. 287–289]. В народных говорах Центральной и Северо-Западной России, как и на территории Беларуси, культурная идентификация этого помещения часто связана с его вторичной, но весьма важной в крестьянском быту функцией летней спальни в кладовой, в том числе и для молодоженов: *Ты не в клетки ли теперь спишь-то?; За своей женой смотри, а в чужую клеть не заглядывай*.

Кроме того, в народной терминологии исследуемой территории имеется ряд менее распространенных номинаций сооружений для хранения зерна, муки и ценных предметов. В Гомельской области и прилегающих восточных районах Брестчины прирубленное к хате или отгороженное в сенях помещение с названием *камора* (*каморка*) имеет синхронные номинации *хіжа*, *хіжка*, *хіжок*, *хізок* [14, л. 13; 15, л. 26; к. № 2, с. 242; 27, с. 32; 39, с. 238]. Кроме того, в Калинковичском районе Гомельской области наименование *хіжа* зафиксировано в обозначении отдельно расположенной на крестьянском дворе клетки: *Паставіў хіжу. У хіжах харонім дабро: жыта і пшаніцу, лён, каноплі* [36, с. 303].

У восточных славян эта и родственные ей номинации распространены в основном в зоне белорусско-украинского Полесья. Термины *хизок* (*хизык*) и *хижа* (*хижка*) известны как второе название клетки, амбара и кладовки также в некоторых русских областях [42, с. 120; 43, с. 166; 40, с. 235, 236]. Они есть в этнокультурных ареалах западных и частично южных славян. В XIV–XVII вв. название *chyža* употреблялось в значении жилища в старопольской письменности [48, s. 96]. Его старославянская форма *хызъ* (*хызина*) относится лингвистами к числу древнейших заимствований из германской лексики от *hūza* (*hūza*) – дом. Есть версия, что это произошло до II в. н. э., хотя не исключается возможность несколько более поздней связи с балкано-германским *hus* в послеготский период.

В материальной культуре восточных славян холодное помещение, сопровождавшееся наименованиями *хижа* (*хижка*) и *хизок*, часто выполняло одновременно две функции – постоянно кладовой для домашнего добра и периодически жилища. Несмотря на фрагментарность или вторичность второй функции, значение жилого помещения в контексте народных понятий этих номинаций нередко доминирует. *У селян хіжа, з дошчок перэбітыя сёні. Колісь була така комора, то казалі на ёе хізок. А моладые нашы спяць у хіжку. У сенях була хіжа спаць моладым* [39, с. 238]. По этнографическим и фольклорным материалам хорошо известно, что в прошлом в *каморе* (*хіжэ*) нередко спали девицы на выданье, отдельно жила в теплое время года брачная пара, совершали совместную трапезу и проводили первую ночь после свадьбы молодые.

Функциональная связь постройки для хранения продуктов питания и домашнего добра со свадебными традициями отразилась в календарно-обрядовой и семейно-обрядовой поэзии южной и центральной полосы Беларуси [16, с. 440–447]. Она прослеживается в содержании куплетов, которыми сопровождался перенос в комору (клеть) свежее испеченного каравая [17, с. 153–158]. В песнях обозначается, что здесь перед посадом невеста наряжается и заплетает косу или отсюда мать выносит ей свадебный наряд и венок [17, с. 355, 394–396, 419]. В поэзии населения северных районов иллюстрируется только функциональная основная специфика этого помещения, в гиперболической форме отражается изобилие хранящихся в нем продуктов питания и напитков для предстоящего застолья:

А мы былі ў клеці,
А відзелі тры рэчы:
Сыру паліцы,
Піва піўніцы
І мёду шклянцы [17, с. 158].

В целом в фольклоре свадебного цикла в данной зоне Беларуси клеть упоминается редко. Она не выполняла здесь ряда специфических функций во время свадьбы. Каравайные и некоторые другие обычаи и обряды бытовали на севере исследуемой территории в упрощенном, не таком развернутом виде как в южных районах.

В белорусском Припятском Полесье наименование *хіжа* (*хіжка*) имеет также уничижительный смысл. Оно относится к убогой хате, лачуге бедняка. Аналогичная семантика встречается в Украине, Южной России и Польше. Вместе с тем в местной восточнославянской терминологии слово *хіжка* не всегда соотносится с жилым, в том числе летним помещением. Нередко оно имеет только одно значение – холодная кладовка в сенях хаты.

В центральных и северо-западных областях России аналогичное *каморе* (*хиже*) по своей функциональной специфике и месту расположения в крестьянской избе помещение именуется *сенник* и *сельник* [32, с. 166]. Эти названия указывают на холодную кладовую для хранения одежды, муки и других продуктов, а также на место отдыха летом. В вологодских говорах зафиксировано выражение: *Отдохните в сеннике, тут прохладно*. В них и ярославских диалектах наименование *сенник* известно, кроме того, в значении *сени*.

Представление о полном понятийном содержании номинации *сельник* в рассматриваемой семантике дает помета в московских областных говорах: *В сельнике у нас мука стоит, продукты всякие, тепло станет и ночуем там* [32, с. 139]. Из ее контекста вполне ясно, что речь идет о холодном складском помещении, которое использовалось в качестве сезонного жилища. В народной терминологии Центральной России это название иногда встречается в значениях брачного ложа для молодых в клети или в каком-либо другом отдельном месте, помещения, где стоит коробка с приданым наиболее чистой и благоустроенной части крестьянской избы.

Семантический анализ терминов *сенник* и *сельник* показывает, что по своему основному содержанию они в целом адекватны номинациям *камора*, *хіжа* (*хіжка*) в белорусско-украинском Полесье. Уменьшительная форма *сельничек*, известная в ярославских и костромских диалектах в значении маленькой кладовки, также тождественна понятию *хіжка* в народной терминологии Чечерского района Гомельской области. В аналогичном смысле, преимущественно на востоке Беларуси, употребляются термины *кладоўка* и *чулан* [20, с. 801].

Ближние по своей семантике с названием *каморка* они встречаются в соседних русских областях. В частности, здесь наименования *кладовая*, *кладовка* употребляются в культурной идентификации помещения для хранения зерна на юго-западе в зоне русско-белорусско-украинского пограничья, но более массово представлены в народной терминологии на западе северной полосы России [18, к. 21]. Они также имеют дисперсное распространение в центральных и северных областях, в которых доминируют неизвестные в белорусском и украинском ареалах номинации строения для зерна *житница*, *житинка*, *житня*: *Амбар под жито житником называется* [30, с. 191].

Исследование показывает, что ареалы старославянских названий начали формироваться на белорусских землях первыми. У восточных славян название *клеть*, генетически связанное с техникой срубного строительства, перешло в хозяйственно-бытовую терминологию дреговичей, радимичей и кривичей, а впоследствии через древнерусский язык – в старобелорусскую лексику. Распространение в южных районах Беларуси названия *камора* может указывать на оседание в них в прошлом небольших групп основных праносителей этого термина – древлян, волынян, бужан и мазовшан – или на миграцию сюда их потомков. Подтверждением этому служит то, что центр ареала *каморы* в значении холодной постройки для хранения зерна располагается на соседних этнических территориях – в северной Украине и юго-восточной Польше [42, с. 120; 47, т. № 86, 96; 28, с. 311].

Балтский пласт названия *свіран* охватывает не только западный регион белорусской ойкумены, но и часть этнокультурных ареалов соседнего зарубежья – на юге сопредельные районы Волынского Полесья, на западе северо-восток Белостокского воеводства в Польше, на север-западе восточную и частично центральную Литву [21, к. № 239; 47, т. № 81; 46, *svirnas*]. Таким образом, он занимает обширную зону в белорусско-польско-литовском пограничье. Следует отметить, что границы однородной локализации термина *свіран* на территории Беларуси в основном совпадают с областью компактного обитания в Гродненском Поместье в XIII–XIV вв. нескольких групп балтов [41, с. 47].

Обращает на себя внимание тот факт, что в Литве почти зеркальное географическое отображение получила региональная расчлененность исследуемых балтского и старославянского терминов в Беларуси. Так, в западной части литовского этнокультурного ареала располагается зона постройки для хранения зерна, муки и ценных предметов с названием *klėtis*, производного от славянского *клеть* [44, с. 26]. Она является однородной на севере и юге и смешанной с термином *svirnas* в центре [46, *klėtis*]. Родственное слово *klėtis*, заимствованное, по мнению лингвистов, из древнерусского языка, употребляется в аналогичной семантике также в латышских говорах.

На основе современных исторических знаний о культурных контактах отдельных групп балтов со славянами чересполосицу и причины чередования на северо-западе Восточной Европы ареалов терминов *клеть* и *свіран* объяснить невозможно. Между тем пространственные особенности распространения этих названий являются, очевидно, отражением неодинакового по времени начала процесса интенсивного развития земледелия в разных зонах восточноевропейского региона. Именно в условиях роста производ-

ства злаковых культур возникала потребность по использованию в системе первичного материального жизнеобеспечения специальной постройки для хранения зерна. По причине неравномерного аграрного развития территорий происходило локальное распространение строений этого типа вместе с сопровождавшими их культурными терминами. Существование компактных однородных и смешанных зон названий *клеть* и *свіран* в Литве, в западной части которой земледелие развивалось интенсивнее и уровень его был значительно выше, чем на востоке, свидетельствует о более раннем распространении здесь постройки для хранения зерна, имевшей восточнославянскую номинацию.

Термин *амбар* начал входить в лексику населения Беларуси, видимо, не ранее конца XVII в., когда в ней уже давно имелись аналогичные по своей семантике обозначения. Ареальная динамика его распространения определялась характером этнокультурных процессов в белорусско-русском пограничье.

Формирование ареалов названий холодных построек для хранения зерна и ценных предметов, начавшееся со старославянских терминов, продолжалось на протяжении многих столетий. Проникновение инородных номинаций в старославянский пласт, возникновение в нем обширных и микролокальных смешанных зон, дисперсных очагов синонимичных терминов указывает на перенос их с других этнических территорий, распространение в процессе миграции, этнокультурных контактов и вербальной коммуникации разных групп славянского и балтского населения лесной полосы Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты издаваемые Виленской археографической комиссией. – Вильна, 1875 – Т. VIII. – XXV, 652, 83 с.
2. Акты издаваемые Виленской археографической комиссией. – Вильна, 1888. – Т. XIV. – XXIV, 702 с.
3. Акты издаваемые Виленской археографической комиссией. – Вильна, 1890. – Т. XVII. – LXXIII, 559 с.
4. Акты издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Вильна, 1894. – Т. XXI. – XLI, 418 с.
5. Акты издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Вильна, 1897. – Т. XXIV. – XLIV, 547 с.
6. Акты издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Вильна, 1898. – Т. XXV. – XXXII, 614 с.
7. Акты издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Вильна, 1899. – Т. XXVI. – L, 595 с.
8. Акты издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Вильна, 1908. – Т. XXXIII. – LXXXIV, 567 с.
9. Акты издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Вильна, 1910. – Т. XXXV. – XXXII, 624 с.
10. Акты издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Вильна, 1912. – Т. XXXVI. – XXII, 461 с.
11. Акты издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Вильна, 1914. – Т. XXXVIII. – IX, 504 с.
12. Акты издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Вильна, 1915. – Т. XXXIX. – VIII, 674 с.
13. Акты относящиеся до юридического быта древней России. – СПб, 1864. – Т. 2. – 870 столб.
14. Архив Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. – Ф. 6. Оп. 3. Д. 18.
15. Архив Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. – Ф. 7. Оп. 2. Д. 264.
16. Веснавыя песні / рэдкал.: В.К. Бандарчык [і інш.] ; склад. Г.А. Барташэвіч, Л.М. Салавей. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 608 с.
17. Вяселле : у 6 кн. / рэдкал.: В.К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980–1988. – Кн. 2 : Вяселле. Песні / склад. Л.А. Малаш. – 1981. – 831 с.
18. Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части России) [Карты] – Вып. 3 (ч. 1). Лексика / ред. О.Н. Мораховская. – Минск : Полиграф. комб. им. Я. Коласа, 1997. – 21 к.
19. Древнее жилище народов Восточной Европы / отв. ред. М.Г. Рабинович. – М. : Наука, 1975. – 303 с.
20. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы: Уступныя артыкулы, даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт / пад рэд. Р.І. Аванесава, К.К. Крапівы і Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск : Выд. Акад. нав. БССР, 1963. – 971 с.
21. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / пад рэд. Р.І. Аванесава, К.К. Крапівы і Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск : Выд. Акад. нав. БССР, 1963. – 338 к.
22. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск, 1871. – Вып. 1. – LV, 374 с.
23. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск, 1874. – Вып. 6. – 409 с.
24. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск, 1906. – Вып. 32. – XXXIV, 289, 292 с.
25. Лексіка гаворак Беларускага Прыпяцкага Палесся. Атлас. Слоўнік / Г.Ф. Вештарт [і інш.]. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – 353 с.
26. Лисенко, П.С. Словник поліських говорів. – Київ: Наук. думка, 1974. – 261 с.
27. Милоченков, С.А. Натурное исследование народной архитектуры и хозяйственно-бытовой среды белорусов / С.А. Милоченков. – Минск: Право и экономика, 2009. – 58 с.
28. Полесье. Материальная культура / В.К. Бондарчик, Р.Ф. Кирчив (отв. ред.). – Киев : Наук. думка, 1988. – 447 с.
29. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1 / Ф.П. Филин (сост.). – М. : Л.: Наука, 1965. – 304 с.
30. Словарь русских народных говоров. – Вып. 9 / Ф.П. Филин (гл. ред.). – Л. : Наука, 1972. – 363 с.
31. Словарь русских народных говоров. – Вып. 13 / Ф.П. Филин (гл. ред.). – Л. : Наука, 1977. – 359 с.
32. Словарь русских народных говоров. – Вып. 37 / Ф.П. Сороколетов (гл. ред.). – СПб. : Наука, 2003. – 416 с.

33. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / Ю.Ф. Мацкевіч (рэд.) – Мінск : Навука і тэхніка, 1979 – 1986. – Т. 2. – 1980. – 728 с.
34. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / Ю.Ф. Мацкевіч (рэд.) – Мінск : Навука і тэхніка, 1979 – 1986. – Т. 3. – 1982. – 536 с.
35. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / Ю.Ф. Мацкевіч (рэд.) – Мінск : Навука і тэхніка, 1979 – 1986. – Т. 4. – 1984. – 616 с.
36. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / Ю.Ф. Мацкевіч (рэд.) – Мінск : Навука і тэхніка, 1979 – 1986. – Т. 5. – 1986. – 564 с.
37. Тураўскі слоўнік : у 5 т. / А.А. Крывіцкі (рэд.). – Мінск : Навука і тэхніка, 1982 – 1987. – Т. 2. – 1982. – 272 с.
38. Тураўскі слоўнік : у 5 т. / А.А. Крывіцкі (рэд.). – Мінск : Навука і тэхніка, 1982 – 1987. – Т. 3. – 1984. – 311 с.
39. Тураўскі слоўнік : у 5 т. / А.А. Крывіцкі (рэд.). – Мінск : Навука і тэхніка, 1982 – 1987. – Т. 5. – 1987. – 424 с.
40. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 4. – 1987. – 864 с.
41. Этнаграфія беларусаў: гісторыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя / В.К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 214 с.
42. Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / Ю.В. Бромлей (гл. ред.). – М. : Наука, 1987. – 558 с.
43. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1981. – Вып. 8. – 252 с.
44. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1983. – Вып. 10. – 198 с.
45. Lietuvos inventoriai XVII a. – Vilnius : Valstybinė politinės ir mokstinės literatūros leidykla, 1962. – 462 p.
46. Lietuvių tarmės: kompiuterinis žodynas. – Vilnius : LKI, 2002. – 1d.
47. Polski atlas etnograficzny : w VI z. / Komis. dla spraw Polsk. Atl. Etnograv.: K. Moszyński (Przewod.- presid.) [i in.] ; J. Gajek (red. – edit.). – Warszawa : Pań. wyd. nauk., 1964 – 1981. – Z. II. – 1965. – M. 58–129.
48. Słowski, F. Słownik etymologiczny języka polskiego / F. Słowski. – Kraków : Tow. miłos. jęz. polsk., 1952. – Z. 1. – S. 1–112.

GROUND COLD STORAGE BUILT FOR HOME ESTATE IN BELARUS AND NEIGHBORING FOREIGN COUNTRIES IN XVI – FIRST HALF OF XX CENTURY

S. MILUCHENKOV

The article deals with the cold ground farmsteads for storage, household items, clothing, farming, grain, flour, animal products. Their types, architectural features, the names in written sources of XVI - XVIII centuries and contemporary folk dialects are identified.